

**ВИКТОР
ГАЛДАНОВ**

АПТЕЧНОЕ
ДЕЛО

Виктор Галданов

Аптечное дело

«Остеон-Групп»

Галданов В.

Аптечное дело / В. Галданов — «Остеон-Групп» ,

Есть люди, которые, куда бы они не пошли, так и собирают вокруг себя одни неприятности. Уголовный авторитет по кличке Зуб уже давно тяготился собственным чересчур бьющим в глаза всем его недругам «авторитетом» и твёрдо намеревался залечь на дно. Так бы и случилось, если бы... Визит очаровательной девушки и последовавшая за ней встреча втянули его в кровавую разборку двух гигантов самого гуманного в мире, и в то же самое время самого криминального и жестокого в мире фармацевтического бизнеса.

Содержание

1	5
2	13
3	18
4	22
5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Виктор Галданов

Аптечное дело

1

Телка была что надо, со смеющимися карими глазами и волосами цвета красного дерева. Она легко скользнула за небольшой столик в коктейль-холле гостиницы «Москва» и сказала:

– Вы и есть Зуб?

Я улыбнулся – глядя на нее, нельзя было не улыбнуться, и просто спросил:

– Вы твердо в этом уверены?

– Да. Я вас вычислила, – объявила девушка.

Я вздохнул. Время, когда меня никто не узнавал, безвозвратно ушло. Ушло, как мое невинное младенчество. Дело не в том, что сегодня меня узнавали так же просто, как Филиппа Киркорова: на грешной Земле оставались еще миллионы людей, для которых и мое лицо, и имя ровным счетом ничего не значили. Дело в том, что меня стали узнавать слишком часто, чтобы не считать это рискованным.

Ментура порой провожала меня задумчивыми взглядами, братва зачастую оценивающе косила в мою сторону, словно пытаясь припомнить, а из чьего я стада овца, путанки, встретившись со мной взглядом, пугливо опускали глаза, словно опасаясь, что я вот-вот сгребу их в охапку и поволоку на «субботник». Словом, моя профессия начала косвенно обо мне говорить, а это могло означать лишь одно – пришла пора менять либо климат, либо род деятельности.

– Жаль, но никакой премии вас не ожидает, – заявил я красотке. – В настоящее время за мою голову не дадут и мало-мальски приличного вознаграждения.

Однако дела обстояли не совсем так. Были люди, которые за мою голову заплатили бы очень приличные деньги, были и другие, которые никому не уступили бы удовольствия прирезать меня собственноручно, были и третьи, – которые не щадя живота своего дрались бы за мою жизнь и с первыми и со вторыми, лишь бы потом упечь меня за решетку на возможно более долгий срок. Впрочем, мне было глубоко плевать и на первых, и на вторых, и на третьих. Я всегда занимался своим делом и шел по жизни своим путем и когда шагал, не опасался никому отдавить ногу.

– Я хотела поговорить с вами, – произнесла девушка.

– Мне кажется, мы уже разговариваем. – Я глянул в пустой стакан. – Не хотите ли чего-нибудь выпить?

– Может быть, джин с тоником?

Я пожал плечами – менее тривиального заказа трудно было ожидать от провинциалки – и сумел привлечь внимание одного из несущихся куда-то официантов. Несмотря на множество клиентов, именно мне официант отдал предпочтение – я просто свистнул ему и показал глазами на наши пустые бокалы. Клянусь моим благоватым богом, пальни я в потолок, это не произвело бы большего эффекта на окружающих. Несколько депутатов, тщетно щелкавших пальцами, и с десяток юных мафиози в кашемировый пиджаках, хлебавших свои коктейли, вперили в меня возмущенные взоры и проводили лакея недовольными взглядами. Почему-то и те, и другие считали, что их должны обслуживать вне очереди. Такие льготы законодателям и бандитам стали одной из дурных традиций поствыборной Москвы. Я заказал «Сигрэм» девушке и «Смирновку» с соком себе.

– О чем же нам с вами поболтать? – осведомился я задушевно. – Историю своей жизни я вам рассказать не смогу, потому что тридцать процентов ее неприличны, еще тридцать пре-

ступны и могут дать основание для привлечения меня к уголовной ответственности, а остальная часть так невероятна, что вы мне просто не поверите.

Моя собеседница поглядывала на толпу, наполнявшую прокуренный зал, и ее глаза поблескивали. Я почувствовал, как меня охватывает волнение. Так всегда случается в преддверии очередного приключения.

В ответ она еле слышно произнесла:

– Я хочу попросить вас о помощи.

– Действительно? – Я искоса взглянул на малютку: она выглядела так, как будто с минуту на минуту ожидала увидеть в зале кого-то крайне нежелательного.

Она почувствовала мой взгляд и постаралась придать лицу менее напряженное выражение. Когда она вновь обратилась ко мне, голос ее звучал спокойно.

– Не знаю почему, – улыбнулась она, – но я все время представляла вас в кожаной китайской куртке и спортивных штанах с лампасами.

Я не удивился – нечто подобное мне уже доводилось слышать, и не раз. У меня даже было несколько вариантов ответов, и ни один не соответствовал истине. Истина же заключалась в том, что несколько своих дел я действительно провел в униформе рэкетира. Но рассказывать об этом я пока не мог.

– Давайте поговорим не о моих привычках, а о ваших, – усмехнулся я и подождал, пока официант поставит на стол бокалы. – И как же именно я могу вам помочь?

– Наверное, вы думаете, что я дура, но я ужасно напугана.

Слегка подняв правую бровь, что должно было означать уклончивый ответ, я сказал:

– Только дураки никогда ничего не боятся. Извините за навязчивость, но я хотел бы понять, чего именно вы от меня хотите.

– Как вы считаете, вот сейчас, когда мы с вами сидим здесь, что-нибудь с кем-нибудь из нас тут может случиться?

– В Москве может случиться что угодно где угодно и с кем угодно, – сказал я убежденно. – И частенько случается. Вот почему у многих жителей столицы язва. Нервы, нервы у столичных жителей ни к черту.

– Вы думаете, здесь могут и убить?

Я пожал плечами:

– Был такой юноша по фамилии Есенин. Говорят, покончил с собой в гостинице. Однако я вполне допускаю, что и его могли убить. Именно такого рода ваше предложение? И кого же вы хотите убрать? Я уж не спрашиваю за что.

Девушка вертела стакан в руках, наклонившись к столу и не глядя на меня.

– Извините, я не думала, что вы такой.

– Извините и вы меня, – произнес я холодно, – но иногда приходится делать неприятные открытия. Вы, похоже, кое-что обо мне знаете. Я же о вас не знаю ничего, кроме того, что вы привлекательнее вон того жирного борова со значком «Демроссии» на лацкане. Давайте сначала познакомимся. Вы ведь даже не назвали своего имени.

– Меня зовут Вероника. Вера Табакова.

– Чудненькое имечко, – пропел я. – Замужем?

– Нет.

– Но вы не журналистка, по крайней мере?

– Нет, что вы!

– И не детектив-самоучка?

– Я? Нет, конечно, нет.

– Ну, так может, доблестная работница органов правопорядка?

– никоим образом, – засмеялась она. – А я, что, похожа на милиционершу?

«Никоим образом, – подумал я, – потому-то и можешь быть опасной».

– У вас, следовательно, чисто теоретический интерес к моим способностям, в частности, к тому, смогу ли я отправить человека в мир иной?

– Не чисто теоретический, – возразила она. – Возможно, тут и практически придется кое-что сделать.

Я распечатал пачку сигарет и заметил:

– Извините еще раз, – но вы так весело говорите об этом...

– Да, весело, – кивнула девушка, – потому что не хочу, чтобы кто-нибудь догадался, о чём я с вами говорю. Я думала, вы сразу сообразите. Нет, я не собираюсь, как вы выразились, никого отправлять на тот свет.

Я поднес спичку к сигарете. И вдруг успокоился, почувствовав какую-то внутреннюю тишину – тишину, которую замечаешь, когда неожиданно останавливаются часы.

– Значит, вы имеете в виду себя?

Она рылась в сумочке, ища губную помаду. Наконец нашла ее. Затем незаметным движением руки подтолкнула ко мне клочок бумаги. Мы сидели рядом, и никто другой не смог бы увидеть, что написано на этом клочке бумаги корявыми печатными буквами: «Не пытайся увидеть Зиганшина».

– Но я никогда и не хотел его увидеть, – сказал я.

– Вам этого делать не нужно. У меня назначена с ним встреча на восемь вечера.

– И кто же этот счастливец?

– Он депутат, из комиссии по контролю здравоохранения.

Это мне ничего не сказало, хотя о множестве служащих, которые работали в том или ином правительственном учреждении я знал немного больше среднего жителя столицы.

– Наверное, ему и невдомек, что аспирин УПСА способствует повышению яйценоскости у кроликов?

– Может быть, и невдомек.

– И кто-то не хочет, чтобы вы его просветили на этот счет?

– Не знаю. Я знаю только то, что записку мне бросили на колени минут двадцать назад.

Я вновь взглянул на бумажку. Она была смята так, как если бы ее свернули в комочек перед тем, как бросить девушке на колени. Похоже, она не врала. Да и колени у нее были что надо – круглые, ровненькие.

– А вы не видели, откуда именно ее бросили? – спросил я.

– Конечно, нет.

И я отчего-то поверил ей. В конце концов сделать это было не так уж и сложно. Я верил также, что в скором времени ее прохладные и тонкие пальцы будут скользить по моей спине. Это было неизбежно. Очередное приключение разворачивалось самым естественным образом, и я очень кстати был снова свободен...

– Кстати, простите за праздное любопытство: вы впервые узнали о том, что некто опасается, как бы Зиганшин не пал жертвой ваших чар? – поинтересовался я.

– Нет, не впервые. – К девушке вернулось самообладание, и голое ее зазвучал мягче. – Сегодня утром мне позвонили. Предупреждение было кратким и доходчивым. Мужской голос сказал, что, если я хочу стать бабушкой и увидеть внучат, мне лучше проваливать отсюда, и немедленно...

– Топорная работа, – заметил я, поморщившись. – Не люблю грубиянов.

– Вот почему я и решила обратиться к вам.

– Как к потенциальному дедушке? – усмехнувшись поинтересовался я.

– Нет, я подумала, что вы поможете устроить мне встречу с Зиганшиным.

Повернувшись в кресле, я осмотрелся. Вокруг нас располагался так называемый высший слой Москвы в тот час дня, когда сюда обычно заходят перекусить и выпить люди, обслуживающие верхние этажи власти. Здесь были советники депутатов, чиновники, военные чины,

гэбисты, люди, владевшие тайными пружинами власти и важными секретами. Здесь можно было услышать все, что угодно, в том числе и государственные тайны, которыми обменивались вполголоса, – обстоятельство, способное дать заработок целой армии шпионов, – и вероятно, так оно и происходило. У всех присутствующих был лоснящийся и очень важный вид людей, которые мужественно несут бремя тревог о том, откуда именно к ним поступит очередная тысяча баксов. И неужели эта гладкая попка могла кому-то помешать в столь благородном деле?

Обилие посетителей было нам на руку. За разноголосым шумом вряд ли кто-нибудь сумел бы нас подслушать. Я повернулся к Веронике:

– Может быть, вам это и не понравится, но я люблю знать все заранее. Надеюсь, что с этим Зиганшиным вас не связывают никакие амурные дела? И мне не следует ожидать неприятностей от его супруги или подружки?

Девушка решительно покачала головой:

– Боже упаси!

– Тогда зачем он вам нужен?

– Не знаю, могу ли я вам об этом рассказывать...

Я сохранял терпение, однако меня начал разбирать смех.

Девушка была мне симпатична и казалась забавной – в конце концов, нельзя было требовать от нее слишком многого.

Толстый мужчина, похожий на лавочника, прошел мимо нашего столика, задев мое плечо, и занял место рядом.

Он сразу принялся орать кому-то через весь зал. Я, взглянув на толстяка, подумал, что стоило бы ему пустить кровь из носа, и посмотрел на часы.

Я искренно наслаждался присутствием этой симпатяжки. Мне даже стало жаль, когда пришло время уходить.

Для порядка я решил все же сказать ей все, что думал:

– Милочка моя, сегодня утром вы позвонили мне в номер и попросили о помощи. Не знаю уж, какая горничная вам меня сдала, но я с удовольствием провел время в вашем обществе, и поэтому прощаю эту невинную уловку. Но если бы вам нужна была моя помощь, вы рассказали бы мне о сути дела. Вы же так ничего и не сказали. Коли так, поставим точку на этой загадочной истории с Зиганшиным и запиской. Вы заверили меня, что никакой романтической истории нет и в помине, вы, я вижу, не газетчица и не работаете в ментовской, и поэтому будем считать, что вы просто избрали оригинальный способ для знакомства со мной! На профессионалку вы не похожи... Может быть, вам нужны деньги?

Девушка несколько секунд молча смотрела на меня. Потом губы ее задрожали.

– Я поняла, за кого мы меня приняли. Но я вовсе не из таких. И мне от вас деньги не нужны, наоборот, я готова заплатить вам.

– Деточка моя, я высокооплачиваемый специалист. Вы даже и представить себе не можете, какова моя зарплата...

– Пятидесяти тысяч хватит? – негромко осведомилась она.

Я поперхнулся дымом своего «Кэмела» (наверное, во второй раз в жизни) и уже с интересом уставился на нее. Лицо удлиненное, с широкими скулами и чуть раскосыми глазами, яркие сочные губы, миниатюрный упрямый подбородок, краски на лице немного, но в восемнадцать лет это не воспринимается как недостаток. На открытой шее небольшой золоченый кулончик с камешком типа опала, грудь невысокая, но под лиловым платьем свободного покроя кажется, что у нее крупные соски. Платье не скрывает довольно милых коленок в люрековых чулочках, ну и что там еще? – лиловые же туфельки-лодочки, замшевая сумочка винного цвета от «Ле Монти»... Интересно, подумал я, а умеет ли она...

Однако она, очевидно, догадавшись о моей неуверенности в ее кредитоспособности, немедленно открыла сумочку и резким тоном сказала: – Полагаю, что этого достаточно, чтобы настроить вас на деловой лад.

Внутри покоилась внушительная пачка купюр оттенка благородно-баксовой зелени. Их там было не менее пяти. В «штуках», разумеется.

– Думаю, что да, – согласился я и быстро прикрыл ее сумочку от чужих и, как правило, любопытных глаз. – Я просто на секундочку задумался, размечтался, знаете ли этак играючи. Но теперь я готов выслушать суть вашего дела. И в первую очередь – откуда вам стало известно о моем существовании?

– Папе посоветовал к вам обратиться дядя Миша.

– Какой еще...

– Михаил Андреевич Гарбузов. Он, кажется, в нефтяном институте работает.

Я уныло покивал головой.

Этот институт в свое время прозывался в народе «Кон-торой Глубинного Бурения», и мне в то доброе старое время пресловутый «дядя Миша» много крови попортил из-за одного валютного дела, но потом мы с ним как-то зауважали друг друга, даже скирюховались, можно сказать. Он, правда, все хотел меня стучать научить, но в этом я его разочаровал.

– Так чего вы с дядей Мишей от меня хотите?

– Нам с папой нужна шляпа.

Я икнул и в упор посмотрел на нее. Она поморщилась и, захихикав, замахала двумя руками: – То есть, я имела в виду, «крыша». Так это, кажется, называется?

– Продолжайте, – буркнул я. – Расскажите, почему вы так решили и кого конкретно вы опасаетесь.

– Для начала я должна вам прояснить, над чем работает мой отец. – С этими словами она полезла в сумочку и извлекла оттуда запаянную ампулу без каких-либо надписей с прозрачной жидкостью внутри.

– Это то, без чего не могут жить миллионы людей.

– Вот как, ваш папуля гонит наркоту?

Она посмотрела на меня, как на умалишенного.

– Вы когда-нибудь слышали о диабете?

– Какая-то такая болезнь... – неуверенно произнес я и поморщился.

– Не какая-то, а очень сложное и тяжелое заболевание. Как вы думаете, почему сахар называют «белым ядом»? Да потому, что так и есть. Сахар – это опасное вещество, содержащееся буквально в любом продукте, от травы до чая и кефира. Его излишнее содержание в крови в течение считанных часов приводит к головокружениям, обморокам, болям, затем к коматозному состоянию, а там и к смерти. Но человеческий организм научился с ним справляться, вырабатывая инсулин. Дозы инсулина, поступающие в кровь, способствуют распаду сахара. Но такое бывает только у здоровых людей. У человека же, больного диабетом, инсулина в крови не образуется. Поэтому ему требуются искусственные инъекции этого препарата. Он просто обязан делать себе уколы инсулина для рассасывания сахара в крови. Таких уколов требуется от одного до пяти в день. От трех до пяти таких вот ампул ежедневно – каждая по доллару за штучку.

Я присвистнул:

– Почтище любой наркоты!

– Как вы думаете, сколько на свете диабетиков?

Я пожал плечами, как сделал бы и любой на моем месте.

– Около двух с половиной процентов от общего числа живущих. Не представляете? Ну, скажем, только по нашей стране это почти пять миллионов человек. По всему же свету это

около ста миллионов. И всем им ежедневно необходим инсулин, в противном случае этот человек очень скоро выпадет из разряда живущих.

– Антирадное кино... – пробормотал я, подавленный астрономическими суммами глобального масштаба. – Непонятно только, чего это мы тут всякой фигней маемся, перегоняли бы этот самый инсулит...

– Инсулин.

– Ну да, и сбавляли бы его диабетикам, не жизнь была бы, а малина.

– Вы абсолютно правильно мыслите. Но учтите, наш отечественный инсулин отвратного качества и попросту опасен, а производство инсулина за границей сосредоточено в руках нескольких компаний, чей товар сертифицирован Всемирной организацией здравоохранения, и ежегодно на закупку его тратятся колоссальные деньги из федерального бюджета.

Я, кажется, уже начал понимать и почти с убежденностью сказал:

– Не хотите ли вы сказать, что ваш папаша изобрел какое-то свое снадобье, которое лучше импортного?

– Его инсулин приготовлен на основе бычьей сыворотки и обладает способностью вырабатывать в организме антитела, противодействующие образованию сахара в крови. Эти антитела могут жить в организме несколько суток.

Я закурил и с интересом поглядел на нее.

Спустя пару секунд она продолжила:

– С тех пор, как он попытался запатентовать свое открытие, опубликовал свое сообщение в международных журналах, на нас обрушились несчастья. В папу стреляли, залезали к нам в квартиру, подожгли лабораторию на даче, затем последовали два взрыва. Говорят, несчастные случаи. Но и он, и я знаем, что эти «случаи» были подстроены. С нами не желает говорить никто из чиновников, не позволяют даже пройти апробацию в больницах... Вы понимаете, почему нам приходится нанимать кры... крышку?

– Это, деточка моя, называется не «крышей», а охраной. «Крыша» сама к вам приедет, когда у вас будет что укрывать. Единственное же, чего я действительно не понимаю, так это почему вам с папочкой до сих пор не оторвали головы.

Лицо ее стало серым, и она спросила сдавленным голосом:

– Вы... вы это серьезно?]

Милая моя девочка, я ставлю себя на место тех людей, которым вы перебежали дорогу и которые на этой штуке делают сотни миллионов баксов в день, и не понимаю, почему они до сих пор не скинулись на небольшой реактивный бомбардировщик, который уж точно не оставил бы от вашей дачки камня на камне.

– Да, – прошептала она, – тем более, что вещество, которое вы держите в руках, можно изготовить в собственной ванной. Его изобрел мой отец Константин Петрович Табаков. Вероятно, вы никогда не слышали этого имени, а он является одним из лучших фармацевтов в стране.

– Так вы приехали в столицу, чтобы заинтересовать этим изобретением Зиганшина и заручиться благосклонностью комиссии?

Она кивнула:

– Звучит очень просто, но это не совсем так. Отец начал работать над своим изобретением десять лет назад. Тогда государство тратило много денег на синтезирование собственного инсулина, а теперь научные программы урезали и получается, что не имеет смысла продолжать исследования. Отец возобновил опыты на свой страх и риск.

– Но неужели государство не заинтересовалось такой перспективой... А? Может быть, ему имело смысл самому пойти по министрам... М-м-м?

– Вы полагаете, что он никуда не ходил? Когда наконец исследования были завершены и он приехал сюда представить результаты правительству, вы бы только видели, какой беготней его заставили заниматься!

– Могу себе представить.

– Частично, конечно, отец сам виноват. Он большой индивидуалист и не читал этих новомодных книжек о том, как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. В то же время, как это ни парадоксально, его легко обескуражить. Короче, кончилось тем, что он послал всех к черту и уехал домой, в Усмановск.

– И что же дальше?

– А я поехала сюда, чтобы сделать то, чего не смог сделать он.

Я вернул ей ее ампулку с чувством легкого сожаления.

Конечно, все было отлично придумано, но я не верил ни одному ее слову. Втайне я, как романтический юнец, мечтал, как в один прекрасный день впечатлительная и привлекательная девушка с обезоруживающей откровенностью скажет мне: «Вы мне очень нравитесь, и я бы очень хотела увидеть, как вы работаете». Просто произнесла бы эти слова, а не кормила байками о небывалых изобретениях.

Мне было жаль расставаться с девушкой – она мне очень понравилась.

– Если вы считаете, что оказались в затруднительном положении, вам нужно обратиться в ФСБ, в милицию заявить, – сказал я. – Ну, или в какую-нибудь газетенку. Если вам повезет, они раздуют эту историю как надо! Сейчас им многое позволяют.

Вероника резко встала, задев столик, и часть кофе из моей чашки пролилась в блюдо.

– Извините, – сказала она резко. – Идея была на самом деле глупая. Но пообщаться с вами было приятно.

Я с симпатией посмотрел вслед удалявшейся стройной фигурке. Икры у нее были просто точеные, да и попка что надо.

После ее ухода ресторан стал необыкновенно скучным.

Может быть, ты был грубоват с ней, сказал я себе. Но в конце концов ты неплохо провел время и никого не обманул. Жизнь так коротка, и в ней ты уже наделал много глупостей. Я сидел и думал обо всем этом, как вдруг несколько мужчин устремились в мою сторону, заполнив и без того узкий проход между столиками. Впереди шел высокий грузный человек, явно главный в этой группе. Я почти был уверен, что сейчас меня толкнут, как уже толкнули в баре.

Мне вообще-то уже порядком надоело, что всякие сомнительные личности пихают меня, как будто повсюду тут развешаны таблички: «Хамить разрешается». Я подготовился к отпору.

И на самом деле, великан не обманул моих предчувствий – кто-то навалился сзади на мой стул и прошелся

рукавом по затылку. Я быстро откинулся на стуле и с радостью услышал непроизвольное «уф», когда спинка моего стула ударила великана в живот. Я вскочил и повернулся к человеку, которого двинул стулом.

– Я дико извиняюсь, – проговорил я очень вежливо и вбухал в свой взгляд всю искренность, какую смог из себя выжать.

Меня тут же схватили за руки его телохранители, и два ствола уперлись мне один в почку, другой в ребро. Я сохранял молчание, неподвижность и учтивое выражение на лице.

Великан посмотрел на меня. Лицо его пошло пятнами, как будто он очень хорошо поел, запил еду хорошим ликером, выкурил хороших сигар, но всего этого было немного в избытке. Его маленькие глазки внимательно изучали меня секунду-другую, сохраняя полную непроницаемость.

Наконец лицо его скривилось в сияющей улыбке:

– Ничего страшного! Всякое бывает.

– Да, в самом деле, – пробормотал я.

Остальные из его компании почтительно ожидали продолжения. Человек, которого я двинул стулом, секунду постоял, затем резко повернулся и пошел прочь. Его спутники последовали за ним.

– Но, Симеон Валерьянович, – почти зарычал один из них. – Только подумайте, какими неудобствами может обернуться эта программа для некоторых политических партий!

– Как говорится, – изрек торжественно великан явно с претензией на то, чтобы быть услышанным всеми и в этом зале, – в преддверии гражданской войны каждый из нас должен работать не покладая рук. Не терять зря времени – вот мой девиз. У семи нянек дитя без застеек.

«Невероятно, – констатировал про себя я, наблюдая за группой, которая направилась к большому столу в конце зала. – Неужели этот дешевый позер и есть великий Зиганшин?»

Взяв сигарету, я полез в карман за зажигалкой. Но зажигалки не нашел, зато нащупал что-то, чего в кармане не должно было быть, – комок смятой бумаги. Я вынул записку и прочел: «Не суй нос в чужое говно».

Мне вдруг показалось, будто после шумной, заполненной автомобильными гудками улицы я очутился в тихой ночи, среди медленно падающего снега... Пока мы сидели в баре, Вероника была слева от меня, я же сидел к ней вполоборота, мой правый карман был почти рядом с краем стола, следовательно, девушка не смогла бы подложить записку. Потом произошло это столкновение с Зиганшиным, и какое-то время вся компания стояла вокруг него.

Возможности подбросить записку не было, если только...

2

Швейцар сказал:

– Да, она пошла в том направлении. – Десятидолларовая бумажка мягко прошуршала, упокоившись в недрах его кителя. – Спросила меня, как добраться до Рузановки.

Вернувшись в вестибюль, я нашел телефон. Справочная депутатского дала мне адрес Симеона Зиганшина – его квартира находилась в Рузановке.

Я задумался: судя по адресу, этот господин – достаточно важная персона. Рузановкой назывался один из лучших элитных поселков Подмосковья. Жить там мечтала любая тщеславная домохозяйка.

Вероника сказала, что встреча у нее назначена на восемь часов. Я взглянул на часы: было уже почти восемь.

Однако Зиганшин, по крайней мере, какой-то Зиганшин, сейчас ужинал в этом заведении. В Москве же просто неслыханно, чтобы более или менее важный чиновник проигнорировал назначенную встречу. В этом, вероятно, и заключался ответ. Или же у монсьёра Зиганшина есть брат, кузен, просто однофамилец, который занимает какой-то правительственный пост. Или же...

Я сожалел, что не спросил у девушки, как ей удалось договориться о встрече с этим типом. Все-таки странно, что чиновник, депутат назначает девушке встречу вечером у себя дома. Если только он не обладает далеко идущими намерениями.

Пройдя на охраняемую стоянку гостиницы, я вывел из гаража свой джип-«чероки», дряхлую развалину 1986 года оливкового цвета с желтой полоской. Промозглая погода не прибавляла мне вдохновения, оставалось только надеяться, что не придется особенно надолго застрять в этом грёбаном Усмановске, который лежал, кажется, где-то в Сибири.

Попутно предстояло объяснить моим работодателям, с чего это мне вдруг захотелось поработать в чьей-то охране.

Все-таки в их фирме я занимаюсь немного другими делами. Впрочем, рабочий день у меня не нормированный, зачастую, я целыми днями болтаюсь без работы. Вот у теперь мне предстояли две недели отдыха после одной жаркой разборки. Случается порой, что алчные лапы какой-нибудь нахальной фирмочки тянутся к нашему пирогу. Странное вышло дело: мы ехали просто поговорить, а те сразу открыли пальбу из автоматов. Слава Богу, у меня хватило мозгов заранее поставить тачку в засаде. Нехорошее дело получилось, не люблю я такую грубую работу. Да и вообще, не убийца я по натуре. Когда-то я немало бузотерил, поначалу угонял машины, пришлось даже сходить в не столь отдаленные места, затем у меня было несколько удачных дел, после которых на меня вышла ментура, но ничего доказать не смогла. Затем уж я попал в тесные лапки титулованных братьев. Конечно, кликухи у них дурные, да и не воры они вовсе и не авторитеты, ходок на зону не делали, словом, в блатном мире они так, можно сказать, чужаки. Но зато у них был классный папуля по кличке Король, который весь блатной мир в кулаке держал и передал деткам весь свой бизнес и связи, чем они и пользовались. Я же был у них вроде как шефом службы безопасности и не скажу, что мне эта работенка так уж нравилась. С другой стороны, это было более или менее стабильно и уже гораздо спокойнее, чем вольные «гастроли» по стране в сопровождении ментовских оперативок с очевидной отсидкой на зоне после очередного провала. Я же, как уже объяснял, хоть и знаю тамошние порядки, вовсе туда не стремлюсь.

Итак, мне предстояло на несколько дней окунуться в дурно пахнущее дело, которым меня в некоторой степени наградила родная ФСБ в лице «дяди Миши» (ему самому, очевидно, было стремно защитить друга от наездов). С другой стороны, малютка предложила вполне нехилые деньги, половину которых с удовольствием заграбастают мои работодатели (если, конечно,

про них пронюхают). С третьей же стороны, эта цыпочка сама так интенсивно ринулась в клетку, что мне с большим трудом придется ее удерживать от глупостей. А с четвертой стороны (Господи, сколько же всего в этом деле сторон-то?), я впервые соприкоснулся с миром, где отсчет долларов идет на сотни миллионов и миллиарды, и мне жутко захотелось себя в этом деле попробовать. Ну вот, скажем, если флакончик красной ртути или кейс с плутонием стоят миллион «гринов», то почему таких же бабок им (спроси, кому?) не отвалить за рецепт роскошного лекарства?

Со всевозрастающим нетерпением, переходящим в опустошенность, я напряженно глядел вперед на мокрое шоссе, понимая, что время, когда еще можно было перехватить девушку, пожалуй, упущено. Если только она не добирается другой дорогой... Или...

Посёлочек и впрямь был что надо. В любом из этих двух-трехэтажных коттеджиков я с немалым удовольствием провел бы остаток своих дней, кропая мемуары (только чтобы по утрам и вечерам мне приносила в постельку кофе с рогаликами какая-нибудь цыпочка, вроде той, которая на меня давеча обиделась).

На въезде меня тормознули качки в камуфляже и, деловито поправляя автоматы, потребовали документы. В ответ я, дыхнув перегаром, потребовал одного из двух: либо они просто идут на... , либо берут десять баксов и снова идут, либо я сейчас же снесу к такой-то матери их такой-то шлагбаум и все равно их пошлю. Был бы я на «жигуле», меня бы тут же изрешетили, но джип и врожденная наглость возымели свое действие, лениво ругнувшись, они взяли деньги и даже сообщили, что никакие девки, кроме двух местных шалав с сыночком прокурора области, сюда за последний час не заезжали.

Где-то не очень далеко простучала колесами электричка. Я подумал, что, наверное, и со стороны станции им следовало бы выставить охрану. Номера домов ярко светились над подъездами, явление и в самой-то столице невероятное. Я вышел из машины и подошел к нужному мне зданию. Фасад был темным, светилась лишь фрамуга над входной дверью. Это было бы объяснимым, если бы речь шла о романтическом свидании или если кроме Зиганшина, оставшегося в ресторане, существует еще какой-нибудь Зиганшин. Однако при слишком уж странном стечении обстоятельств «слуга народа» собирается провести встречу с избирателями!

Я всегда предпочитал действие размышлениям и потому позвонил в дверь. Открыла мне холеная лакейская морда.

– Симеона Валерьяновича нет дома, – сказал он.

– Но он мне нужен. Мне назначена встреча, моя фамилия Табаков. Не слышали? Я изобрел такую штучку под названием инстули...

– Мне очень жаль, но Симеона Валерьяновича сейчас нет. Он уехал еще утром, предупредив, что ужинает в городе.

– Видимо, он забыл о назначенной встрече. Наверное, слишком занят, – предположил я.

– Ну что вы, – улыбнулся халдей. – Только не шеф! Если уж он назначает встречу, то всегда приходит вовремя. Может быть, вам назначено на завтра?

– Может быть, – легко согласился я. – Я, наверное, что-то перепутал. Скажите, пожалуйста, а такая милая девушка, Верочка Табакова, сестрица моя младшенькая, не звонила вам сюда? Я думал ее застать здесь.

Тот пристально посмотрел на меня и покачал головой:

– Никто сюда не звонил, и валил бы ты отсюда, парень, пока я охрану не вызвал..

– Да, я, видимо, в самом деле ошибся.

Ругаясь про себя, я повернулся. Ну, стервозина, подумал я, если ты надеешься, что за подобное оскорбление я подам на тебя в суд, ты жестоко ошибаешься, я сам из тебя сотворю такое, от чего наш зонный фельдшер тихо крестился и махал рукой...

Вокруг было пустынно. Я повернул на юг, вышел на другую улицу и только тут наконец задался вопросом, куда я, собственно, иду и что могу сделать. Я остановился на углу и посмотрел

рел на мост через пруд. Десятки различных планов промелькнули в голове, но все они никуда не годились. И вдруг я увидел Веронику. Девушка быстро шла по дорожке откуда-то снизу. Козел, мелькнуло в голове, это богатые люди на ночь глядя легко кинут полтинник на такси, а экономные провинциалочки «ездут на елестричках». Все, что представлялось мне до сих пор, в одно мгновение потеряло всякий смысл. Однако не надолго.

Какая-то машина на медленном ходу обогнала девушку и свернула в аллею, отходившую от улицы. Я инстинктивно шагнул в тень и замер. Из аллеи вышли двое мужчин.

Оглянувшись, они убедились, что вокруг нет ни души, кроме девушки. На головах обоих были одеты черные шапочки. Одним движением рук эти шапочки опустили на все лицо, превратившись в маски. Вполне профессионально они подошли к девушке с двух сторон, взяли ее под руки, один из них зажал ей рот, и потащили к машине. Я не слышал, что именно они ей говорили, но бросился за ними.

Я бежал по-кошачьи бесшумно, так что произвел на незнакомцев в масках впечатление внезапно материализовавшейся тени.

– Привет, Верунчик, – сказал я с широкой улыбкой. – Я так боялся, что опоздал.

Лицо девушки было мертвенно-бледным. Она была близка к обмороку.

Человек слева от девушки выругался. Он был высок, широк в плечах и, видимо, со школьных лет не проигрывал кулачные бои.

– А ну вали отсюда, мудака, если жить хочешь!

Голос под маской звучал глухо. Этот юноша явно был способен доставить немало неприятностей. Его приятель был из того же теста, хотя весил больше и был чуть ниже ростом. Впрочем, это не мешало ему двигаться очень легко.

– Мужики, – весело ответил я, – если вы-таки решили попользоваться моей милкой, то о чем речь? Скидываемся по сто гринов и вперед. До утра она ваша. Предупреждаю, войдя в кайф, она жутко орет и матюгается, как сто полковников срочной службы.

– Поясняю, – ответил высокий очень просто. – Эта девушка задержана. Ей нужно ответить на несколько вопросов. Поэтому проваливай отсюда.

– Задержана? За что?

– Убирайся отсюда! – проревел второй. – Иначе мы и тебя заберем.

– Я впервые встречаю фээсбешников, которые не только прячут свои носы под масками, – тихо сказал я, – но к тому же совершенно забывают о хороших манерах. Если уж вы выдаете себя за ментов, то научитесь сначала себя вести.

К свингу, который обрушил на меня высокий, я был готов. Отклонившись как раз на необходимые шесть сантиметров, я лишь почувствовал свист ветра около своего подбородка. Потом бросился вперед, согнув руку в локте.

Удар отдался у меня в плече, а высокий застонал и согнулся пополам. Я нанес ему сокрушительный удар в челюсть – удар, который свалил бы за смертью любого среднего обитателя столицы. Однако парень оказался, несомненно, крепче этого среднестатистического. Он не упал, а лишь отступил назад, правда, несколько нетвердым шагом. В этот момент его компаньон обрушил почти весь свой вес на мои шею и плечи.

В глазах моих на мгновение вспыхнул фейерверк огней, ноги подкосились. Но я собрал силы, сомкнул руки замком на затылке толстого и потянул его за собой на землю.

Толстяк перекувырнулся назад и грохнулся с таким шумом, что и глухой услышал бы его за несколько метров от места падения. Он покатился по земле и схватил меня мертвой хваткой за ноги.

В таком состоянии у меня было не больше шансов сохранить вертикальное положение, чем у пирамиды, поставленной на вершину. Но я все же попытался устоять на ногах, стараясь подмять толстяка под себя и нанести ему удар левой рукой.

Ничего не вышло. Я услышал топот бегущих ног, потом крик Вероники и почувствовал страшный удар в солнечное сплетение.

Ослепленный болью, я нащупывал землю вокруг себя, чтобы подняться на ноги. Человек, нанесший мне удар, собрался повторить его. Мне некогда было размышлять, но я понял, что это уже не высокий, а кто-то другой. Я не успел как следует поразмышлять над очередной загадкой – девушка набросилась сзади на моего противника, колотя что есть силы, правда, без видимого результата, по его широкой спине. Но и этой небольшой паузы оказалось достаточно – я поднялся на ноги и дважды ударил нападавшего коленом в живот и, когда он согнулся, кулаком по затылку. Затем быстро огляделся вокруг, оценивая обстановку.

Толстяк, оправившись от моих ударов, рухнул в машину в нескольких метрах от места драки. Высокого видно не было – очевидно, он уже сидел за рулем. Мотор взревел, и машина рванула с места со скоростью, которой позавидовал бы сам Шумахер. Она скрылась в конце аллеи, а я решил рассмотреть третьего, так сказать, члена оппозиции.

Мужик стоял на коленях, держа руку на груди, и прерывисто дышал. Он озадаченно вымолвил:

– Боже мой... Вы, Вероника Константиновна? Черт, я очень извиняюсь. Кажется, я нанес удар не по адресу. Я проходил мимо...

– У вас есть машина? – спросил я.

– Нет, я был в гостях и только что вышел...

Я в бессильной злобе посмотрел на аллею. Но автомобиль нападавших уже скрылся из виду. Возможно, мой джип и догнал бы их, но устраивать гонки среди ночи не входило в мои планы. Я остановился и полез за сигаретой.

– Я очень извиняюсь... – Плотный юноша со стриженной головой встал с колен и подошел к нам. – Я просто шел мимо и увидел, что дерутся... Мне показалось, будто кто-то попал в беду, а тот, кто лежал на земле, естественно, жертва. Пока Вероника Константиновна не начала лупить меня... Боюсь, я помог им скрыться, – Так вы, значит, знакомы? – спросил я.

Вероника озадаченно смотрела на мужчину.

– Я видела вас где-то, но...

– Владимир Миркин, – представился тот. – Вы видели меня в офисе господина Бурчиевича. Вы приходили тогда с отцом.

Я поднес спичку к сигарете. При свете огня мы с Вероникой смогли лучше рассмотреть лицо говорившего. У него была квадратная челюсть и жесткий взгляд призера соревнований по боксу.

– Да, мы знакомы, – сказала девушка. – Познакомьтесь, Володя, это Зу... Ой!..

– Жорик меня зовут, – буркнул я как мог радушнее, – Жорик Кузовлев, – и протянул руку для пожатия. – У вас энергичный удар ногой.

Миркин улыбнулся:

– Неудивительно. Я играл в футбол, когда был немного моложе. Ваш хук левой тоже неплохой.

– В каждом из нас явно пропало немало талантов, – ностальгически проговорил я и вздохнул.

– Может, это и к лучшему, – сказал Миркин. – В любом случае мы сумели избавиться от хулиганов. В этом районе бывают разбойные нападения. За что только охране тратят деньги? Но мы думаем, что это местная элитарная шпана. Днем ходят на сольфеджио и в гимназии, а по ночам пристают к девушкам. Они ничего плохого вам не сделали?

– вроде бы нет, – робко произнесла девушка.

Я хотел сказать, что у этих «детей райка» был еще и «форд скорпио» с федеральными номерами, но решил повременить с комментариями.

– Вы здесь, кажется, на машине? Не вывезете ли нас из опасной зоны? – спросил меня Миркин.

– С удовольствием.

Мы сели в машину. Я нажал на акселератор.

– Давайте вернемся в гостиницу и выпьем чего-нибудь, – предложил я девушке.

– Но мне нужно увидеть Зиганшина.

– Его нет дома, дорогая. Я там уже побывал.

– Но у меня была назначена встреча.

– С Симеоном Валерьяновичем?

– Да, – ответила Вероника.

– А ваш друг прав, – встрял Миркин. – Зиганшина сейчас и впрямь нет дома. Я знаю это, потому что Бурциевич сам хотел с ним встретиться.

– А как вам вообще удалось назначить эту встречу? – спросил я.

– Я пыталась поймать его в офисе, – объяснила Вероника, – но ничего не получилось. Тогда я оставила свой адрес и телефон. Сегодня во второй половине дня мне позвонили и сказали, что встреча назначена у него дома.

– Кто-то вас надул, – тихо шепнул я.

Вероника посмотрела на меня широко открытыми испуганными глазами. Я положил ей на плечо левую руку, чтобы успокоить. Пока я не узнаю значительно больше об этом деле, не буду обсуждать его в присутствии посторонних. Особенно перед человеком, который так профессионально дерется.

Хотя я, очень может быть, ошибаюсь, но именно этот упитанный стриженный юноша толкнул меня в первый раз в баре гостиницы. Глаза же высокого якобы фээсбэшника очень напоминали глаза одного из телохранителей Зиганшина, сопровождавших того в ресторан. Он держал ствол у моей почки и внимательно заглядывал мне в глаза. Именно тогда меня толкнули второй раз. Ох и не люблю же я хамов!

3

Миркин как ни в чем не бывало спросил Веронику:

– Кстати, как идут дела у вашего папы? Есть новые успехи в получении лекарства?

– Результаты отличные, – ответила девушка совершенно откровенно. – Но никому, однако, они не интересны.

Тот сочувственно покачал головой:

– Такие вещи занимают много времени и требуют немало усилий. Но думаю, Зиганшин мог бы вам помочь. Очень жаль, что наша компания ничем не может быть вам полезной. – Миркин повернулся ко мне и пояснил: – Отец этой девушки ведет очень перспективные изыскания по производству искусственного инсулина. Он приходил с полученными результатами к Бурциевичу, но, к сожалению, это не наша специализация.

– Да, слышал, – ответил я. – А чем именно занимается ваша компания?

– Мы работаем в корпорации «Фармбиопром». Наверное вы слышали о такой. Она достаточно известна.

В голосе его звучала неподдельная гордость. Да, я не раз встречал это название, наверное, не так часто, как «Проктор энд Гембл» и «Джонсон и Джонсон», однако те тоже не раз уверяли с экранов, что заботятся о нас и о нашем здоровье. Впрочем, я не сразу увязал их с конкретными людьми.

– Что вы думаете о том веществе, которое сумел получить Табаков? – спросил я.

– Я, к сожалению, не медик, – ответил Миркин извиняющимся тоном, – а всего лишь управляющий. Менеджер, так сказать. Но, насколько мне известно, у этого вещества мало перспектив. Бурциевич уже заключил крупный контракт с правительством на производство инсулина по другой, импортной технологии. Мы вложили более двух миллионов долларов в строительство завода. Так что наши руки уже связаны. Боюсь, вам крупно не повезло.

Я задумчиво рассматривал летящую навстречу дорогу, которую на сто метров вперед освещали фары моего «джипа».

– Но если изобретение Табакова станет известным, а его метод производства будет поставлен на поток, он неизбежно станет вашим конкурентом, не правда ли? – поинтересовался я.

Миркин усмехнулся:

– Теоретически это, конечно, возможно. Но о какой конкуренции может идти речь, когда инсулин сегодня нужен везде, и в огромных количествах! Скорее, речь может идти о двух фирмах, выпускающих разные виды спасательных кругов. Тонущему человеку ведь совершенно безразлично, какой именно круг ему бросят.

Я в молчании докурил сигарету, размышляя.

В конце концов в этом мире существовала некая божественная справедливость. Вероятно, эта неожиданная встреча с таким бурным началом может стать неплохой компенсацией за потерю двух мускулистых и никчемных громил. К тому же у меня появилось бесспорное подтверждение того, что казавшаяся поначалу такой нелепой история действительно не выдумка. Теперь я знал, что Вероника Табакова не была заурядной охотницей за мужиками или за сенсациями, а изобретение ее отца может стать тем запалом, за взрывом которого последует целый фейерверк игр, которые я так любил. Глупо, что я сразу не поверил девушке. Но, глядя сейчас на ее профиль, я не испытывал угрызений совести. Встреча с ней не стояла в ряду банальных знакомств в баре.

Мы подъехали к «Москве», и Миркин галантно произнес:

– Надеюсь вас вскоре увидеть.

– Я остаюсь здесь, – сказал я.

– Я тоже, – промолвила девушка.

Я посмотрел на нее, и мои брови поползли вверх от удивления, она же только рассмеялась:

– Наверное, я достигла бы большего успеха, изображая из себя дочь несчастного изобретателя, но дело в том, что мы вовсе не голодаем.

Мельком взглянув на пальтишко из бутика, ладно сидевшее на ее фигурке, на изящную шляпку, похожую на ту, что вчера показывали по телеку во время «Парада кутюрье», на простенький кулончик, который в свете барного витража казался лиловым, а сейчас, в ночи, просто сверкал, как настоящий алмаз... я мысленно перевел все это в доллары. Да, эта цыпочка явно могла себе позволить нанять для охраны какого-нибудь громилу вроде меня за десять тысяч баксов – и после выдачи зарплаты даже не вспомнила бы об этой потере. Единственное, что не вышло со всем этим – поездка в Рузановку на электричке. Я так напрямую об этом и спросил.

– Ну, на электричке быстрее, надежнее. Да и людей много, меня тут, кстати, один таксист уже пытался завести куда-то, – девушка пожала плечами, – что тут такого? \

– Позвоните мне, если возникнет необходимость, – сказал ей Миркин, протягивая визитную карточку. – Вероятно, я сумею быть вам полезным. Господин Бурчиевич, может быть, сумеет связаться с Зиганшиным и устроить вам встречу. Я живу в Медведково.

Он сказал еще пару слов мне, и мы распрощались. Ка, кое-то время я смотрел вслед ему, потом отогнал машину на стоянку, взял девушку под руку, и мы вошли в вестибюль. Она хотела зайти в бар, но я повел ее прямо к лифту.

– Пойдемте ко мне в номер, – сказал я. – А то в барах и ресторанах случаются разные загадочные истории.

Вероника быстро взглянула на меня, но ничего не сказала. Она молчала, пока мы не вошли в номер.

Я снял пальто, подошел к столу и с приятным удивлением обнаружил в холодильнике пару бутылок «Туборга».

Я налил пиво в два высоких стакана.

– Теперь, может быть, вы объясните мне, что за загадочные истории случаются в барах и ресторанах? – спросила Вероника.

Я протянул ей стакан с «вечерним бальзамом», а потю показал записку.

– Я нашел это у себя в кармане вскоре после того, как вы ушли, – объяснил я. – Поэтому и ринулся за вами. Приношу свои извинения. Я был идиотом, принимая вас за дурочку, и попытаюсь наверстать упущенное. Может быть, начнем все сначала?

Девушка улыбнулась открыто и дружелюбно, именно так, как я и ожидал. Приятно не оказаться разочарованным в своих ожиданиях.

– Конечно, – сказала она. – Вы ведь поможете мне в переговорах с Зиганшиным, когда я все-таки встречу с ним?

Потягивая напиток, я посмотрел на нее и спросил:

– А вы когда-нибудь видели воочию этого загадочного Зиганшина, с которым все так хотят познакомиться?

Она кивнула:

– Дважды.

– Что же он собой представляет, чем занимается?

Вероника выразительно взмахнула руками.

– Он искренний человек, милый, но немного занудный. Не блещет большим умом. Честный, амбициозный, вероятно, общительный – любит заводить новые знакомства...

– Так где же он все-таки работает?

– Он депутат Госдумы, работает в комиссии по контролю за здравоохранением, как я уже вам говорила. Эта комиссия непосредственно курирует закупки импортных лекарств. Конечно,

он – не самая большая величина, но тем не менее достаточная. Он точно знает, сколько нужно потратить на то или иное лекарство.

Я долил себе еще пива.

– А чем он занимался до своего депутатства?

Глаза девушки расширились от удивления.

– Вы наверняка слышали о нем! – воскликнула она. – Он входил в руководство «Фармимпекс». Раньше это был маленький аспириновый заводик, а теперь они делают растворимый аспирин по лицензии. Директором завода вначале был его отец, потом они акционировались, и Симеон Валерьянович усилил позиции фирмы. Ходят, правда, слухи...

Вероника неожиданно смолкла и закусила губу.

– Продолжайте, продолжайте, – сказал я шутливо. – Меня очень интересует сага о Зиганшинах.

Девушка развела руками:

– Это будет разговор об инсулиновом производстве – вряд ли оно вам интересно.

– Позвольте уж мне самому решать, интересно это или нет.

– Хорошо. Отец не любит Зиганшина, хотя, может быть, он предубежден. Он считает, что Зиганшин – просто марионетка в руках беспринципных людей. Именно они помешали отцу запатентовать его изобретение. Я уже говорила, мой отец большой индивидуалист. К тому же он несколько эксцентричен. Как, впрочем, многие изобретатели. Отец очень разочарован своими контактами в Москве и считает, что ему мешают лишь потому, что кое-кто хочет сделать деньги на наших сегодняшних трудностях, да и на завтрашних тоже

– У вашего же отца, насколько я понимаю, лишь самые благие намерения?

Девушка потупила взгляд, и я быстро добавил:

– Извините, пожалуйста. Я недавно перебрался в Москву, а стал уже насквозь циничен.

– Да нет, почему же? – тихо сказала она. – Вопрос был вполне логичным. – Она посмотрела на меня. – Да. У отца добрые намерения. – Голос ее звучал твердо. – Он предложил свое открытие правительству, но его проект не был передан тому человеку, которому был адресован. Напротив, с отцом разговаривали люди, которые ему не нравились и которым он не доверял. Когда же он отказался раскрыть им весь технологический процесс и стал настаивать на встрече с человеком, от которого все зависело, начались загадочные происшествия в лаборатории.

– Зиганшин в курсе этих происшествий?

Вероника пожала плечами:

– Откуда мне знать? Я уже говорила, что он не производит впечатление очень умного человека. Может быть, он придерживается широко распространенного мнения, что все изобретатели немного не в себе и хотят лишь отнять его драгоценное время. Наверное, ему и на самом деле приходилось сталкиваться с такого рода людьми. А может быть, как думает отец, кто-то там наверху защищает интересы определенных кругов. Тогда, конечно, они помешают Зиганшину увидеться или поговорить с теми людьми, которых сочтут вредными для себя. – Она наклонилась ко мне. – Но я уверена, что если бы я смогла с ним встретиться, он бы выслушал меня, и я бы сумела заинтересовать его! – Девушка слегка покраснела от волнения. – Убедена, что он меня обязательно выслушает! Тем более, что он не так уж и стар.

Я серьезно посмотрел на девушку. Она неожиданно вспыхнула:

– Знаю, знаю, что вы думаете, но я могла бы пойти и на это, если бы была убеждена, что это поможет отцу, поможет, наконец, нашей стране. В конце концов, что такое секс, как не несколько смешных суетливых телодвижений? Я знаю, что мне будет не очень приятно несколько минут ощущать в себе инородное тело и чувствовать прикосновение чьих-то слюнявых губ. Но в конце концов, партизаны во время войны ради спасения Родины шли и на пытки... Может, это и звучит выпенденно, но я на самом деле так думаю. – Она умоляюще посмотрела на меня. – Помогите мне встретиться с Зиганшиным!

Продолжая серьезно смотреть на девушку, я думал— безусловно, она не глупа. Она просто не знает некоторых вещей. Например того, что не каждое инородное тело и не каждый рот бывают неприятны. Особенно, когда обладатель того и другого приложит немало сил, чтобы ей понравиться.

— Конечно, я помогу вам, — сказал я с теплотой в голосе. — Но чтобы проникнуть в святая святых, потребуется некоторое время. Я не совсем себе представляю, как именно нужно добиваться аудиенции у этих шишек...

Моя рука совершенно произвольно легла на ее колено. Девушка даже не шелохнулась. Рука моя скользнула дальше вверх, и даже сквозь шершавый люрекс я ощутил теплоту и гладкость ее кожи.

— Видите ли, Верочка... — промычал я.

— Конечно, вижу, — с недюжинным самообладанием сказала она, — передо мной открылась превосходная возможность сэкономить пятьдесят тысяч баксов. Именно столько стоит моя девственность. Я ее оч-чень высоко ценю.

Меня как будто холодной водой окатили. Я только открыл было рот, чтобы выдать ей по первое число, но вдруг...

У меня есть способность слышать звуки, не прислушиваясь к ним. Мой мозг сразу определил, что это за звук, процесс шел подсознательно. Что-то стукнуло о дверь, звук был едва различим, но я услышал. Я бесшумно повернулся и, продолжая говорить, направился к двери. Голос мой оставался спокойным, а интонации не изменились.

— Если вы запасетесь раскладушкой, походной печуркой и разобьете бивак рядом с офисом Зиганшина, то, вероятно, сумеете через некоторое время перекинуться словцом-другим с секретарем секретаря его секретаря...

Я резким движением распахнул дверь и сталь же хорошо выверенным движением схватил за воротник человека, который стоял снаружи, прильнув ухом к двери.

— Заходи, друг, — сказал я приветливо. — Входи и представься нам. Ты что, частный детектив Майк Хаммер, или тебе просто одиноко и тоскливо на душе?

4

Я втащил человека в комнату, как тот ни пытался вырваться. Он не успел опомниться, как я заломил ему руку за спину.

– Не надо волноваться, милочка, – сказал я девушке. – Это просто неожиданный ночной гость. Вероятно, перед тем как забрести по-соседски на огонек, он решил убедиться, не мешает ли нам...

Свободной рукой я обыскал своего пленника, но оружия не нашел. Я хорошенько встряхнул шпиона и посмотрел ему в лицо. Потом немного ослабил хватку. Человек осторожно высвободил руку, вытянул ее и начал растирать.

– Вы его знаете? – спросил я девушку.

Вероника молча покачала головой.

– Он не похож на злодея, – задумчиво произнес я, наклонив голову набок, – скорее на бухгалтера, ушедшего на пенсию и получившего золотые часы за безупречную пятидесятилетнюю службу, в течение которой он ни разу не взял больничного листа.

Маленький человечек с густыми кавказскими бровями и кривым саблеобразным носом продолжал растирать руку, слегка постанывая от боли. Он напоминал старую серую крысу – и поношенной, плохо сидящей одеждой, и двумя выдающимися вперед зубами, и маленькими глазками-бусинками. Когда боль в руке затихла, он изобразил из себя оскорбленную невинность.

– Я попросил бы вас... – начал он.

– У него и голос какой-то крысиный, – холодно заметил я.

– Я... я требую извинений! – продолжал соглядатай. – Это просто скандал! На человека нападают в коридоре одного из престижнейших отелей, какой-то хулиган чуть не ломает ему руку... Пора...

– Хорошо, малыш, – сказал я мягко. – Не будем тратить слов попусту. Давай-ка лучше расскажи нам, кто ты и откуда.

Маленький человечек встал, и оказалось, что в нем около метра пятидесяти, что называется, с кепкой.

– Я могу задать вам тот же вопрос, – ответил он. – Кто вы такой, чтобы нападать на меня в коридоре?..

– Слушай, кеша, – прервал его я. – У меня мало времени, но я тем не менее достаточно терпелив. Просто у меня аллергия к типам, которые подслушивают около моей двери с электронным жучком в ухе. Кто послал тебя сюда и что ты ожидая здесь обнаружить?

Человечек вынул из уха миниатюрный динамик и демонстративно сунул его в карман.

– Моя фамилия Папазян. Зовут меня Гамлет Аршакович, – пискнул человечек, – и я не торчал около вашей двери. Я думал, что это дверь в мой номер, и как раз собирался вставить ключ в замок, когда вы напали на меня.

– Понятно, – задумчиво протянул я. – Конечно, ты просто не сверил номер на своем ключе с номером на моей двери. И конечно, у тебя есть веские причины прислушиваться к тому, что происходит в комнате, перед тем как войти в нее. Не так ли?

Человечек секунду-другую взглядом, полным твердости, смотрел на меня, затем, отводя взгляд, сказал с вызовом:

– Ну, если вам так хочется все знать, именно этим я и занимаюсь. Слушаю. Я делаю это с тех пор, как у меня произошла неприятная история в Одессе. Я вошел в комнату и застал там двух громил, ожидавших меня. Я раздобыл это устройство, чтобы впредь гарантировать себя от подобных ситуаций.

– Боже правый, – воскликнул я, – наконец-то я все знаю!

– Верьте или не верьте, но это сущая правда, – сказал Папазян.

– Ну что же, покажите мне свои ключи, – предложил я.

Господин Папазян пошарил по карманам, вытащил гостиничный ключ и протянул его мне. Я посмотрел на номер комнаты и нахмурился. Две последние цифры наших номеров совпали. Однако тезка принца датского занимал апартаменты этажом выше.

Я вернул ему ключ и улыбнулся:

– Видите, как просто все разрешилось! Присядьте, пожалуйста, и взбодритесь немного, пока мы обсудим происшедшее.

Маленький человечек неохотно подвинул к столику еще один стул, и я плеснул ему в стакан немного виски, добавил «швепса». Потом кивнул в сторону девушки.

– Познакомьтесь, матах, это звезда нашей эстрады Калерия Лучко. Я – ее продюсер. Лерочка – это монсеньор Папазян.

Я был самой вежливостью, но не упустил бы и секундного изменения в лице Папазяна – свидетельствовавшего о том, что он случайно уже где-то видел девушку. Но никакой реакции не последовало.

Человечек натянуто улыбнулся и пробормотал нечто вроде «приятно познакомиться». Потом он взял стакан и с удовольствием сделал несколько глотков.

Я вытащил сигарету.

– Теперь, ваше высочество, – сказал я, – полагаю, обе стороны удовлетворены данными объяснениями. Так чем же вы все-таки занимаетесь за стенами Эльсинора?

Виски приободрило коротышку, а может быть, он почувствовал себя увереннее, оттого что понял – никто не собирается подвергать его пыткам, по крайней мере сейчас. Через край своего стакана он взглянул на меня:

– Я не знаю, как вас зовут.

– Извините, я... Жорик из Одессы к вашим услугам.

– Мне кажется, я уже слышал ваше имя, – тихо сказал Папазян. – Вас в гостинице называют Зубом или еще как-то в этом роде.

Я скромно поклонился.

– Моя жена, – продолжил человечек, – обожает читать криминальную хронику. Она упоминала ваше имя. Я сам, правда, уделяю мало времени подобному чтению.

Я поднял руку:

– Пожалуйста, не извиняйтесь. Терпеть не могу бульварную прессу. Я и сам предпочитаю юмористические странички и новости о подгузниках. Но чем все же вы занимаетесь, кроме того, что не читаете криминальную хронику?

Человечек порылся во внутреннем кармане и вытащил визитную карточку. Я прочел ее. Гамлет был замзавом по сбыту в фирме «Сибэлектронмаш» в Челябинске.

– Я приехал в столицу в поисках контракта, но не могу ничего сделать! Они посылают меня из одного офиса в другой, и опять обратно по кругу.

Я положил визитную карточку в карман и сделал еще одну затяжку:

– Судя по названию, ваша компания занимается производством какой-то электроники?

– О, до конверсии мы производили целые электронные комплексы, – объяснил Гамлет. – Естественно, я не имею права объяснить вам, каков именно характер производства сейчас. Но мы занимаемся важным делом. Да-да, очень важным делом.

– Это просто замечательно, – пробормотал я.

Мой следующий вопрос был неожиданным и резким, как выпад фехтовальщика. Благодушие, которым окутал себя Гамлет, исчезло, как оболочка сыра, срезанная острым ножом.

– Ваш завод связан каким-нибудь образом с фармацевтической промышленностью?

Папазян вздрогнул. Он готовился к другим вопросам но этого никак не ожидал, поэтому ответил не сразу.

– Лекарства? О нет. Мы выпускаем электронику. Медицина не имеет к нам никакого отношения.

Я подлил себе в стакан виски:

– Конечно же, не имеет. Я, наверно, задал дурацкий вопрос.

Папазян допил свой стакан и встал со стула, неуверенно улыбаясь.

– Извините, пожалуйста, за невольную... э... грубость. Я был поражен всем происшедшим и, вероятно, должен принести свои извинения. Может быть, завтра мы посидим вместе в ресторанчике?

– Может быть, – ответил я уклончиво. – Ну а теперь я, пожалуй, пойду к себе. Уже поздно, а у меня был тяжелый день. Спокойной ночи, приятно было с вами познакомиться. – Он склонился, как будто сломался пополам, выпрямился и поспешно вышел из комнаты.

Вероника хихикнула:

– Какой смешной человечек.

– Весьма. Я должен отлучиться на минуту – пара срочных звонков.

Я вышел в спальню и, закрыв за собой дверь, набрал городской номер, которого не было ни в одной справочной книге. Я поговорил с неким Гаркушиным, которого мало кто знал. Потом связался с администратором гостиницы и задал несколько вопросов, получив на них ожидаемые ответы. Затем вернулся в комнату, сияя от удовлетворения.

– Да, маленький забавный гномик! – сказал я. – «Лилипутик-Лилигном леденец большой как дом». Никакой «Сибэлектронмаш» не существует ни в Челябинске, ни в каком бы то ни было другом месте. А номер над нами занимает депутат Ламврокакис – с тех самых пор, как обманутые им вкладчики-избиратели совместными усилиями забаррикадировались в его родном офисе и в квартире.

– Значит...

– Не волнуйтесь, он вполне безобиден. Не думаю, чтобы он еще нас побеспокоил. Но в следующий раз, боюсь, явится некто, сильно отличающийся от него своими габаритами.

– Но на кого он работает?

– На тех самых людей, душечка, которые полны решимости похоронить заживо изобретение вашего отца. Надеюсь, они ограничат свою деятельность вот такими визитами, но это далеко не худшее, на что они способны.

– Какое мне-то до всего этого дело?! – возмутилась Вероника. – Если вы действительно хотите мне помочь и вы действительно такой человек, о котором мне говорили, вы устройте мне встречу с Зиганшиным, и в течение ближайших дней!

Я взъерошил волосы, и неожиданно у меня на сердце заскребли кошки.

– Конечно, конечно, Вероника-Верочка, – сказал я. – Но поверьте – встреча с Зиганшиным не самая большая проблема. Знать бы, дадут ли вам с отцом дожить до этой встречи.

5

По лицу девушки пробежала тень. Она слегка нахмурилась. Взгляд ее, однако, остался твердым и спокойным.

– Вы точно сделаете для меня то, о чем я прошу, или все еще колеблетесь?

– Я думаю сейчас вот о чем, – ответил я терпеливо. Кому-то очень нужно было устроить два взрыва и пожар лаборатории вашего отца. Вы сами мне об этом рассказывали. Кто-то долго за вами следил и знает, что вы добиваетесь встречи с Зиганшиным. Кто-то позвонил вам по телефону и назначил эту встречу, а потом прислал записку чтобы проверить, легко ли вас запугать. Узнав о нашей беседе, кто-то и меня решил прощупать.

– Вы не представляете, как именно записка оказалась вас в кармане?

– А разве вы представляете, кто кинул записку вам на колени? Меня, правда, пару раз до того как следует толкнули. Не исключено, что кто-то из этих нахалов и подбросил записку. – Лица Владимира Миркина и того высокого парня из окружения Зиганшина в коктейль-холле промелькнули в моей памяти. – Угрозы не подействовали – и вот по дороге к Зиганшину вас ждет засада. Если бы вы не пошли на электричку, а взяли такси, то оно наверняка увезло бы вас в другую сторону.

Девушка не была испугана, но стала очень серьезной.

– И что же, по-вашему, они собирались сделать?

– Вы прекрасно догадываетесь, что. Может быть, какой-то пылкий кавказский юноша увез бы вас в родные горы. А может быть, они собирались лишь припугнуть вас. Но не исключено, что они на самом деле хотели похитить вас и пошантажировать вашего папулю. Тогда он мог бы сдать им формулу своего инсулина и технологию его производства. А может быть, они рассчитывали узнать и то и другое от вас. Кстати, а вы папины рецепты знаете?

Вероника утвердительно кивнула:

– Это достаточно просто. Последние годы я помогала отцу проводить опыты.

– Ну вот, а еще спрашиваете меня о намерениях этих людей.

Вероника взглянула на свой стакан:

– Я просто дура. Но я не думала обо всем этом так...

– Теперь самое время начинать думать. Люди, которые умеют в собственной ванной из опилок, старых шнурков, томатного кетчупа и бальзама для волос сделать лекарство, в наше время вызывают пристальный интерес. Как еще только ФСБ вами не заинтересовалась?

При этих словах я осекся. Действительно – как? А может быть – уже? Выражения, услышанные мной из уст этих типов («поясняю... девушка задержана...») недвусмысленно говорили о том, что они относились к одному из государственных ведомств.

– Я объясню, – сказала девушка устало. – Вы даже не представляете себе, как много изобретателей осаждают правительственные учреждения в Москве! Десятки и сотни!

– Но у вашего отца репутация хорошего ученого и честного человека...

– Та или иная репутация есть у каждого чокнутого ученого. А для обычного чиновника – каждый ученый немного чокнутый.

– Но ведь они могут провести экспертизу этого вещества?

– Да, конечно. Но это займет слишком много времени и не обязательно что-нибудь докажет.

– Почему?

– Образец сам по себе может принадлежать какому-нибудь уже существующему веществу.

– Но это же можно точно установить.

– Как?

– Провести химический анализ.

Она рассмеялась:

– Сразу видно, что вы не химик. Органический или полуорганический концентрат невозможно подвергнуть детальному химическому анализу. Как вам объяснить? Вы можете, например, подвергнуть анализу пепел сгоревшей человеческой руки. По обнаруженным химическим элементам вы, возможно, выясните, что эта ткань человеческая, но не сумеете сказать, принадлежала ли она мужчине или женщине. Конечно, такая аналогия достаточно неуклюжа, но...

– Я понял вашу мысль.

Я зажег сигарету. До сих пор мне в жизни не приходилось иметь дело с химическими формулами, но объяснение девушки я понял. Я вернулся к практической стороне вопроса, которая была мне ближе.

– Ваш отец запатентовал свое изобретение?

– Нет. Ведь для этого пришлось бы обсуждать дело с какими-то мелкими чиновниками, секретарями и прочими. Суть же в том, что производство этого лекарства настолько просто, что достаточно узнать о нем двум-трем людям – и будут знать все кому нужно и не нужно. Нас просто обманут.

– А ваш отец не хотел заручиться коммерческой защитой?

– Я ведь говорила вам, и повторю снова – отцу не нужны деньги. Он не денег ищет. У нас есть все, что необходимо, и значительно больше. Мой дед в свое время был куратором от ЦК на золотых приисках в Чукотке и ведал продажей золота за границу. Сказать, что я с детских лет ела, пила и писала на золоте – значит, ничего не сказать. Да и папа долго проработал в военном ведомстве и изобрёл чудо-взрывчатку «табастит». За нее мы до сих пор получаем неплохие деньги со всего света. Все, чего добивается мой отец, – передать технологию производства своего лекарства народу. Но его обескуражила неудача в столице. Он не может просто взять и написать письмо или заполнить какую-нибудь анкету. Документы сразу окажутся в руках тех людей, которых он избегает.

– Часть информации уже в их руках, – заметил я.

– Вероятно. И они очень не глупы.

– Вы имеете в виду кого-то конкретного?

Девушка беспомощно развела руками.

– Американцы? – сказала она. – Но я не представляю, как они могли бы об этом узнать...

Или японцы... Или...

– Речь может идти о ком угодно. Вы совершенно правы, – согласился я. – Совсем не обязательно даже, чтобы они говорили с акцентом или отличались врожденным косоглазием. Любой обычный человек, не столь патриотично настроенный, как ваш отец, мог бы заинтересоваться изобретением просто для того, чтобы получить за это деньги. Любой человек – даже наш маленький гномик из нешекспировской пьесы.

Я поставил стакан на стол, встал и начал ходить по комнате, посасывая сигарету и задумчиво разглядывая сизый дымок.

Дело начинало приобретать занятный оборот. ФСБ охраной семьи Табаковых, конечно, заниматься не будет... А вдруг... Вдруг она ими итак уже занимается вплотную?

Дядя Миша самоустранился, предоставив выбор мне. Если только какой-нибудь высокопоставленный чиновник не доведет до сведения господина президента, что вопрос о безопасности жизни Табаковых является делом национальной безопасности. Да, пожалуй, Зиганшин мог бы это сделать. К своей просьбе он обязательно добавил бы какое-нибудь мудрое изречение, например: «Не откладывай на завтра то, что можно сделать позавчера». Вопрос в том, возьмет ли он на себя подобные хлопоты? Станет ли высокопоставленный государственный деятель, бывший некогда главой крупной компании, беспокоиться о каком-то изобретателе, знающем, как из ничего получить лекарство? И разве Зиганшин, как и кое-кто еще в Москве, не думает о

том, что будет после внедрения? Вова Миркин говорил что-то о своем производстве инсулина, об инвестициях двух миллионов долларов... Звучит, конечно, хорошо, но после внедрения табаковского лекарства цена их заводу будет рубль в базарный день. Это неизбежно.

Кроме того, не такая уж и большая величина этот Зиганшин. Куда же остается обратиться папе с дочкой? В милицию? Я достаточно ясно представлял себе, что им скажут в райотделе. Им не только не обеспечат круглосуточной охраны, но еще и изрядно попортят нервы. В любом случае сопровождать девушку до дома они не станут.

– Где сейчас ваш отец? – спросил я.

– Дома.

– Где именно?

– В Усмановске.

Столичная милиция, конечно, не распространяла та далеко свои полномочия. Ну а провинциальные жандармы тем более не станут отрывать своих орлов от кормежки на колхозных рынках ради каких-то грядущих достижений науки и техники.

– Может быть, вам стоит нанять телохранителей из частного охранного агентства? – заметил я. – Вы, видимо можете себе это позволить.

Вероника посмотрела мне в глаза:

– Да, мы можем себе это позволить. Так мы и сделаем.

Девушка была разумным человеком и согласилась на разумное предложение. Она не бросилась упрекать меня том, что я, мол, пытаюсь сложить с себя ответственность.

Да она и не имеет права так думать, решил я про себя. Все это – дело моей совести. Ей я, по крайней мере, ничем не обязан, тем более что у меня и своих забот по горло. Проблемой же Табакова должны заняться официальные власти. Но какие именно? С чего ты взял, что изобретение ее отца имеет практический смысл? В конце концов, в госучреждениях полно компетентных чиновников, способных разобраться, что к чему. Получается, что ты все же хочешь снять с себя ответственность? Я злился сам на себя. Очень некстати в голове всплывали симпатичные зелененькие бумажки, которыми меня эта деточка давеча поманила.

Я спросил:

– А, о чем вы собираетесь поговорить с Зиганшиным?

– Я хочу уговорить его приехать в лабораторию отца. Может быть, он пришлет своего человека, но абсолютно надежного. Мы бы продемонстрировали им технологию получения папиного инсулина, сделали бы его столько сколько нужно для экспертизы. Они бы убедились в честности отца. Тогда можно было бы приступить и к эксперименту на производстве.

– Но в опытное производство будет вовлечено много людей!

– У отца все предусмотрено. Двенадцать различных компонентов доставляются в контейнерах на завод. Три являются основополагающими для получения инсулина, остальные девять – для отвода глаз. Но абсолютно все двенадцать частей будут закачаны по специальным трубам в помещение, где находится смеситель. В этом помещении необходимо присутствие лишь одного человека. Ненужные компоненты будут уничтожены с помощью кислоты и спущены в стоки. Никакая экспертиза или проверка ничего не сможет установить. Конечный продукт будет откачан по специальным трубам из смесителя прямо в контейнеры. Один-единственный человек может контролировать весь производственный процесс, работая три-четыре часа в сутки. Я, например, и сама смогла бы работать. Если кто-то узнает, какие именно двенадцать компонентов доставляются на завод, ему придется экспериментировать многие годы, чтобы выяснить, сочетание каких из них дает необходимый результат.

Объяснение было очень логичным. Создавалось, однако, впечатление, что девушка держала его наготове, чтобы пустить в ход в необходимый момент и отместить любые неудобные вопросы. А может быть, во мне проснулся былой скептицизм?

Я принял решение с характерной для себя быстротой:

– Предлагаю вам вернуться в свою комнату, запереться на ключ и никому не открывать, кроме меня.

Подойдя к столику, я нацарапал слово на клочке бумаги и показал девушке. Она прочла и кивнула в знак согласия. Я забрал бумажку и сжег. Она обратилась в пепел, а вместе с ней и пароль, который я должен буду произнести.

Я принял такие предосторожности, полагая, что какой-нибудь коллега господина Гамлета вполне мог подслушать наш разговор, вооружившись небольшим стетоскопом.

– Вы надолго уходите?

– Надеюсь, нет. Я провожу вас в номер.

Мы благополучно проделали весь путь – дошли до лифта, поднялись еще на пять этажей, и она вошла в номер, дверь за ней закрылась. Я подождал, пока щелкнет замок, и лишь после этого вернулся к лифту. Я спустился в вестибюль, прошел в ресторан и осмотрел зал. По местным понятиям, зал был почти пустым. Человека, которого я искал, там не было.

Выйдя из гостиницы, я опять забрался в джип.

Остановив машину на углу аллеи, я внимательно осмотрел затемненные дома, выходящие на площадь, и стал разглядывать особняк, который сегодня уже посещал. Нижний холл был освещен, горели огни и на втором этаже. Вероятно, это была спальня. На опущенных шторах я увидел тень. Судя по пропорциям, она могла принадлежать только Симеону Зиганшину.

Свет в холле погас. Я двигался по тротуару, пытаясь не терять из виду маленькое окошко, выходящее во двор особняка. Свет погас и в нем. Значит, халдей лег спать.

Наконец я подошел к парадной двери дома, построенного, вероятно, для резиденции какого-нибудь посла, немного потрудился над замком с помощью случайно оказавшегося в кармане миниатюрного инструмента и открыл его.

Теперь, сказал я себе, если здесь нет сигнализации или засова, можно лично побеседовать с господином Зиганши-ным.

Ни сигнализации, ни засова не было. Я бесшумно приоткрыл дверь и огляделся. Возле двери располагалась пустая конторка, над которой горели два телеэкрана наружного наблюдения. В следующую секунду я проник в холл, осторожно закрыв за собой дверь. Перед тем как идти дальше, я мельком заглянул за конторку и был неприятно поражен зрелищем огромной спины – здоровенный охранник поднимался оттуда с авторучкой в одной руке и газетой с кроссвордом в другой. Увидев меня, он округлил рот, словно намереваясь позвать на помощь, но я мгновенно вставил между его зубов ствол «браунинга», прекратив тем самым дальнейшие прения. При охраннике оказались наручники и внушительное полотенце, словом, все, что требовалось для его нейтрализации. Винтовая лестница вела на второй этаж. Ни одна половица не скрипнула под моей ногой, пока я поднимался вверх. Под дверью я увидел полоску света – старец Симеон еще не спал. Я толкнул дверь и так же бесшумно вошел в спальню великого человека.

Зиганшин в темно-коричневой с золотом пижаме сидел за столом, просматривая какие-то бумаги. Увидев меня, медицинский босс оторвался от бумаг и разинул рот. Нездоровый румянец отхлынул от его лица.

– Это еще что такое?

– Не волнуйтесь, ваше превосходительство, – спокойно сказал я. – Я не разбойник и не разгневанный больной, который разорился на ваших лекарствах.

– Тогда кто вы и какого черта здесь делаете?

– Меня зовут Григорий, фамилия моя – Кузовлев, и я просто хочу поболтать с вами.

– Как вы вошли?

– Как обычно – через дверь.

– Вы взломали ее!

– Я ничего не взломал, – сказал я невинным голосом, покачивая головой. – Просто использовал один свой старый фокус с замками. Поверьте, я ничего не испортил.

– А... охрана?

– Ваш цербер спит мертвецким сном.

В горле Зиганшина раздались клокочущие звуки.

– Это!.. Это!..

– Я знаю, – согласился я устало. – Мне следовало добиваться вашей аудиенции по обычным каналам, заполнив для этого с полдюжины различных анкет. Но в конце концов говорят, что грядет гражданская война, и я решил просто сэкономить время.

Зиганшин побагровел. Казалось, он сейчас взорвется от негодования.

– Имейте в виду, – прорычал он, – подобное своеволие столкнет вас с компетентными органами. Меня не запугать такими штучками...

– Вы уже говорили об этом, – вежливо напомнил я.

– Да?.. Так какого черта вам здесь нужно?

– Я хочу поговорить с вами о человеке, который изобрел новый вид инсулина. Некий Константин Табаков, слышали?

Зиганшин насупился.

– И что этот кулибин от меня хочет? – спросил он.

– У меня есть свой интерес к той технологии, которую он изобрел, – сказал я, – и я хочу знать, почему он не может добиться встречи с вами.

Зиганшин сделал пренебрежительный жест рукой.

– Мало ли на свете блаженненьких, – сказал он. – Обыкновенный чокнутый изобретатель. Насколько я знаю, он хочет делать инсулин из ревеня или из чего-то другого в том же роде. Это невозможно. Надеюсь, вы еще не вложили свои деньги в его, с позволения сказать, изобретение?

– У дураков нет денег, – мудро заметил я.

– Да, – согласился Зиганшин. – Совершенно верно. Но столь наглое вторжение в частный дом, по-вашему, не глупость?! Вы слышали выражение: «Мой дом – моя крепость»? Вам нет за это прощения.

Толстяк поднялся с кресла, прошествовал к бюро, достал сигару и сунул ее в рот. Я не терял бдительности. Однако Зиганшин не пытался вытащить пистолет. Он вернулся к столу и уселся на прежнее место.

– Хорошо, – сказал он, раскуривая сигару. По комнате поплыл тяжелый аромат настоящей «гаваны». – Итак, вы вломились в мой дом, чтобы побеседовать об изобретении Табакова. Я мог бы в два счета выбросить вас отсюда или просто арестовать. Но я выслушаю, что именно вы хотите рассказать.

– Это крайне любезно с вашей стороны, – пробормотал я. – Я попросил бы вас ответить на некоторые мои вопросы.

– Какие вопросы? – спросил Зиганшин грубо. – Я деловой человек, и каждая моя минута на счету.

– «Но ни время, ни прилив никого не ждут...»

– Ближе к делу. Зачем вы явились сюда?

Я взял сигарету и поднес к ней зажигалку, зная, что пронзительные глаза Зиганшина следят за каждым моим движением. Я выпустил целое облако дыма и сел на край кровати.

– Вы видели когда-нибудь образец инсулина, изобретенного Табаковым?

– Да, однажды или, может быть, раза два.

– И что вы об этом думаете?

Если бы Зиганшин мог пожать своими неуклюжими, громоздкими плечами, он бы это сделал.

– Это может быть и панацеей от всех бед, а может быть и подделкой.

– Вы, конечно, провели всестороннюю экспертизу?

– Для этого у меня достаточно подчиненных. Но первый анализ был отрицательным. Этот тип преследовал меня несколько недель, добиваясь личной встречи, и наконец сдался. Я слышал, что его дочь приехала сюда и пытается сделать то, что не удалось ее отцу.

– Вы не назначали ей встречи?

– Конечно нет! В сутках слишком мало часов...

– А в неделе слишком мало дней...

– Молодой человек, – сказал Зиганшин повелительным тоном, – я служу обществу и глубоко дорожу тем доверием, которое мне оказано, а поэтому строго слежу за тем, чтобы ни один час, ни одна минута моего служебного времени не были потрачены на то, что не принесет пользы моим согражданам.

– Но все-таки, может быть, вы назначили ей встречу на вечернее время, а потом просто забыли об этом? – Я задал свой вопрос, не испытывая никакого благоговения по поводу только что услышанной декларации.

– Повторяю – нет! Я никогда не забываю о назначенных встречах. Точность – вежливость королей...

– Но вам обязательно надо было бы с ней увидеться. Поверьте, там есть на что посмотреть.

В узко посаженных глазах Зиганшина, кажется, промелькнул интерес. Я увидел перед собой старого развратника.

Толстяк плотоядно ухмыльнулся:

– Хорошенькая девушка, говорите?

– Очень хорошенькая. Однако вернемся к изобретению. Вы видели технологию производства этого инсулина своими глазами?

Зиганшин отрицательно покачал головой:

– Нет, я слишком занятой человек. У меня просто нет времени метаться по стране, чтобы любоваться очередным идефиксом очередного психа. Я посмотрел образец и дал поручение своим сотрудникам заняться этим – вот и все, что я мог сделать. Надеюсь, вы понимаете – я не могу разорваться на части.

Я внимательно наблюдал за толстяком, начиная испытывать странное ощущение от всего происходящего. Оно не соответствовало моим ожиданиям. Зиганшина просто раздувало от самодовольства. Он выражал свои мысли заранее заготовленными клише, говорил так, будто обращался к толпе где-нибудь в общественном месте. Внезапное мое появление вызвало у него искреннее возмущение, но не страх. Конечно, я не потрясал у него перед носом ножом, не угрожал... Но все же я совершил взлом частного жилища. Этот факт отрицать невозможно. Любой нормальный гражданин счел бы появление такого «гостя» опасным для своей жизни. Возможно, Зиганшин относился к тому разряду тупиц, которые просто не понимали, что такое угроза для жизни, и не испытывали поэтому никакого страха. Но и в этом случае почему Зиганшин не позвал лакеев, не попытался вызвать охрану? Может быть, он боялся, что у меня есть про запас еще какая-нибудь информация? Или был еще какой-то иной резон? Тот, однако, гнул свою линию. Он вынул сигару изо рта и яростно раздавил ее в пепельнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.